

О ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ, ДЕТСКИХ ПОЭТАХ И ДЕТСКОМ ЧТЕНИИ

От редакции. Петрозаводск долгое время был одним из известных центров преподавания и изучения детской литературы: в университете и пединституте читались общие курсы лекций и спецкурсы, выполнялись курсовые и дипломные работы, была аспирантура, защищались кандидатские диссертации, выходили книги, издавался межвузовский сборник научных работ «Проблемы детской литературы и фольклор». К сожалению, большая часть названного ушла в прошлое, оказавшись в русле тех процессов, что происходят сегодня в филологическом образовании. Именно поэтому с большим удовлетворением и радостью была воспринята нами книга М. Яснова «Путешествие в чудетство» (СПб., 2014. 360 с.) – органичный сплав теории и практики детской литературы и детского чтения. В последние два десятилетия заслуживающих внимания книг о детской литературе по существу не было. Периодом расцвета русской детской поэзии и постижения ее, как в целом и детской литературы, были 60–70-е годы прошлого века, когда появилась неординарная книга И. Лупановой «Полвека», книги Б. Сарнова («Страна нашего детства», его же о С. Маршаке, Л. Пантелееве), С. Рассадина («Так начинают жить стихом»), Б. Бегака («Дети смеются»), блистательные книги о К. Чуковском и «Книги нашего детства» М. Петровского. И вот теперь новая книга М. Яснова, вобравшая в себя собственный поэтический опыт (несколько десятков книг), опыт переводчика, критика, литературоведа, редактора. Превосходный знаток сегодняшнего положения дел в детской литературе, он заинтересованно и неукоснительно пропагандирует творчество своих собратьев по перу, что само по себе чрезвычайно редко. И лучшее свидетельство тому – составленный им сборник детской классики первой половины XX века «Лучшие стихи для детей» (СПб., 2005. 672 с.) и два раздела «Путешествия в чудетство»: «Из ближнего круга» – о тех, кто представляет детскую поэзию последние полтора десятилетия, и «Из книг» – о тридцати поэтических событиях, явленных то малоизвестным автором и, что особенно важно, из провинции, то талантливой книгой одного автора. Все это свидетельствует о профессиональном знании и позволяет говорить о том, что есть детская поэзия, об особенностях детского восприятия, о сегодняшнем состоянии и проблемах детской литературы.

Мы благодарим за участие в разговоре о детской литературе, детских поэтах и детском чтении доктора филологических наук Софью Михайловну Лойтер и поэта Михаила Давидовича Яснова. Вопросы задавала кандидат филологических наук Надежда Вилениновна Ровенко.

При том многообразии и разнообразии, что мы видим на книжных полках, есть ли сейчас настоящая детская поэзия, если существует такое понятие? Как сориентироваться? Или это не имеет значения, ребенок же не обладает художественным вкусом или обладает?

Детская поэзия, безусловно, существует – и многообразие на книжных полках тому свидетельство. Вспоминаю четверостишие замечательного петербургского поэта Вячеслава Лейкина, детского и взрослого:

Кричала мама: «Что за безобразия!
Сплошные тройки! Где разнообразие?»
Когда же я принес разнообразие,
Она опять кричала: «Безобразия!»

Разнообразие – вещь хорошая, и то, что у нас сейчас издается море разлитое детской литературы, свидетельствует в пользу того, что она воспринята общей культурой как ее неразрывная часть. Кому только не приписываемая фраза о том, что для детей надо писать, как для взрослых, только лучше, мне кажется несколько уничижительной для детского писателя: это такое похлопывание сверху – мол, и ты можешь, если

захочешь. В последние годы к детской литературе обратились чуть ли не все издатели нашей страны, детская книга стала «паровозом», который вытягивает издательский товарняк и ставит его на нужные рельсы. Детскую литературу знают, любят, она объединяет поколения, она с нашего младенчества объясняет нам, кто мы такие, она куда более устремлена в будущее, нежели писание для взрослых, она претендует на главную роль в нашем семейном воспитании, а ведь это все качества, присущие национальной идее, способной объединить всех от мала до велика. Это детская литература и, в частности, детская поэзия. На одних и тех же произведениях воспитывались все, кто сегодня представляет нашу страну в политике и промышленности, бизнесе и культуре. Неспроста же именно детской литературе оказалось по силам пробуждать объединяющие всех чувства – любви, гордости, сострадания, то есть чувства понимания и удовольствия, которые так необходимы детям в общении друг с другом и со взрослыми. Могу предположить, что нигде в мире нет такой приверженности к детской литературе и, в частности, такой необходимости в поэзии для маленьких, как у нас. Традиции,

ментальность, политическое и нравственное состояние общества – все работало и работает на признание за детской литературой необходимого учителя и того эстетического удовольствия, которое закрепляет в душе высокие этические нормы. Советская эпоха (то есть практически весь прошлый век) выработала замечательный тип писателя-эмигранта, вытесненного в детскую литературу из взрослой, где он не мог реализоваться, прежде всего по идеологическим причинам. Русская детская литература XX века чрезвычайно богата талантами, писавшими не «благодаря», а «вопреки»; так было особенно в эпохи гонений на культуру – в тридцатые, сороковые, семидесятые годы.

Сегодняшняя детская литература, особенно поэзия для детей, – правопреемница этих традиций. Подспудно созревая в девяностые годы, выплеснувшаяся в нулевые и окрепшая в нынешние десятилетия, эта литература являет нам приверженность молодых прозаиков острой проблематике, а молодых поэтов – чистоте звучания и лирической фантазии, что заставляет говорить о буме в детской литературе начала XXI столетия. В нее идут не из меркантильных соображений (какие уж там гонорары!), а по любви и энтузиазму. Большую роль играют премии, семинары, фестивали. В этом году мы проводим, например, юбилейный, десятый фестиваль молодых детских писателей вокруг «Детгиза» – «Как хорошо уметь писать!» и подсчитали, что за это десятилетие через фестиваль прошло свыше ста талантливых участников. А поскольку почти у каждого из них уже вышли книжки, да не одна, вот и складываются те книжные полки, перед которыми теряется читатель. Увы, в отсутствие централизованной информации (хотя многое можно почерпнуть из Интернета) приходится уповать на вкусы и знания взрослых. Поэтому в многочисленных поездках по стране я всегда прошу устраивать встречи не только с детьми, но со всеми желающими родителями и педагогами – их нужно просвещать в первую очередь. Что до эстетических вкусов ребенка, то дети – разные. Некоторые обладают природным даром воспринимать прекрасное, другие в том же возрасте двух слов связать не могут. Ключ – в семье. Все зависит от семейного климата и желания помочь ребенку. Один из самых насущных вопросов – как приучить ребенка к чтению. Но это отдельная и далеко не простая тема.

Кто из детских поэтов уходящего времени остается современником нынешних компьютерных детишек? Наиболее заслуженные из них? И незаслуженно забытые?

Современники – те, чьи стихи входят в учебники и хрестоматии. Это в равной степени и Пушкин (который, как известно, ни одного сти-

хотворения для детей не написал), и Маршак, и любой из нынешних поэтов, отобранный составителем. Современник – тот, чьи стихи тебе по душе, и ты их понимаешь. Я прихожу в класс и читаю моего любимого Маршака:

Дети нашего двора,
Вы – его хозяева.
Во дворе идет игра
В конницу Чапаева...
Дети нашего двора,
Чкаловского дома...

И вижу, что никто ничего не понимает. Кто такой Чапаев? Что такое Чкаловский дом? В одной школе меня спросили: «А что, дети нашего двора – это дети местных бандитов?» А потом я читаю того же Маршака:

Ослик был сегодня зол.
Он узнал, что он осел.

И все радуются – свое, понятное. Так что, Маршак – современник? Я часто говорю молодым детским поэтам: «Хотите, чтобы стихи ваши жили долго – избегайте сиюминутных реалий и деталей, которые завтра исчезнут из обихода. Работайте внутри языка. Язык изменится медленней окружающей жизни, поэтому никогда не исчезают, например, словесные игры. И вообще, родной язык – это наше главное поэтическое богатство». Поэтому я избегаю писать стихи с упоминанием всякого рода гаджетов – завтра их не будет, а вместе с ними и текстов. Вообще, говоря о современниках, нужно прежде всего говорить о тех, кто был до тебя. И знать их, чтобы не изобретать велосипедов. А до нас были многие и многие годы существования детской поэзии, если учесть, что первые стихи для детей, написанные на русском языке, – это была лицевая, то есть с картинками, азбука Василия Бурцева – появились в 1634 году. Чтобы по-настоящему узнать (и вспомнить забытые имена!) русскую детскую поэзию, рекомендую прочитать сначала однотомное, затем двухтомное, а теперь уже трехтомное собрание текстов «Четыре века русской поэзии детям», подготовленные крупнейшим специалистом по ее истории Е. О. Путиловой (СПб., 1997). Мы получили уникальный сплав «количества» и «качества», удивительный по отбору, объему, богатству поэтический «текст» – целую антологию русской детской поэзии, охватывающую помимо фольклора огромную эпоху отечественной литературы – с 30-х годов XVII века до детских стихов наших современников, многие из которых вошли в литературу в последней четверти предыдущего столетия. Выясняется, как много выдающихся поэтов писали и посвящали стихи детям. Безусловная, выдающаяся (!) роль антологий – в окончательном утверждении поэзии для детей как значительного явления русской литературы и культуры в целом.

Кто Вас влюбил в детскую поэзию? А нужна она? Может, комиксы и игры заменяют ее? И мы с Вами бесконечно устарели?!

Если позволите, в виде ответа на этот вопрос приведу пару фрагментов из моей книги «Путешествие в чудетство»:

«...Одно из самых ранних воспоминаний: сижу на высоком деревянном стульчике перед столом. На груди повязан слюнявчик. На столе передо мной стоит тарелка с отвратительной кашей. Вижу, как алюминиевая ложка зачерпывает кашу и плывет к моему рту. И слышу мамин голос:

Ехали медведи
На...
– ложка отправляется в рот –
...велосипеде.
А за ними кот
Задом на...
– вторая ложка отправляется туда же –
...перёд!

Так уже в младенчестве в меня входило рифменное ожидание, и связано оно было чуть ли не с физиологией: ложка каши проглатывалась «под рифму». Потом я понял, что именно так образуются в душе зачатки вкуса, меры и такта, что воспитанная подобным образом любовь к поэзии подразумевает (по крайней мере, должна подразумевать) богатство чувств. И это главное, к чему может привести поэтическое воспитание, о котором ныне снова так часто приходится говорить.

И еще один отрывок:

«...Вся наша семья – мама, папа, сестра, я и кот Вася – собиралась на кухне вокруг большого обеденного стола, и мы читали по кругу какую-нибудь книжку. Мне больше всего запомнились тоненькие детиздатовские сборнички «Некрасовской библиотеки», еще довоенные, в желто-коричневых переплетах с профилем Некрасова на обложке. Родители знали на память кое-какие фрагменты некрасовских стихов, я не раз слышал, как мама повторяла, стоя у плиты:

Эй, Федорушки! Варварушки!
Отпирайте сундуки!
Выходите к нам, сударушки,
Выносите пятаки!

В три года я уже сносно читал и больше всего любил читать именно стихи, далеко не всегда понимая их смысл, но зато веселясь при точной рифме:

Вздрогнет встречный мужичок,
Жутко станет бабе,
Как мохнатый седочок
Рявкнет на ухабе...

До сих пор помню, как по спине бегали мурашки от этих чудных звуков.

Комиксы и игры – дело неплохое, но заменить работу непосредственно с языком им не под силу.

Вернемся к тому, с чего мы начали наш разговор: нужно ли изучать детскую поэзию, шире – детскую литературу в вузах?

Еще как нужно! Наша общая беда – вымывание преподавания детской литературы из вузовских планов. Будущие педагоги и воспитатели

перестают изучать детскую книгу как таковую и начинают работать с детьми, не зная и не понимая специфики литературы, поэзии для детей. Так что при всем оптимизме по отношению к общей сегодняшней ситуации с детской книгой, за ее судьбу тревожно. Тем более, что мы оказались на границе двух цивилизаций – бумажной и электронной, и что там впереди – весьма туманно. Но закончить разговор хочется на веселой ноте. Детская поэзия должна писаться (и пишется!) в состоянии счастья. Это – фундаментальный закон творчества для детей, а тогда, как в сказке, все получается. Об этом – мое недавнее стихотворение:

УРОК БИОЛОГИИ

Вы в пруду видали головастика?
Он вчера икринкой был –
Фантастика!
Приходите завтра на опушку –
Вы уже увидите
Лягушку.
Ну, а через день-другой
Из леса
Выйдет к вам прекрасная принцесса...
Дети! От икринок до принцесс
Долгая дорога, пыль и тряска –
Говоря по-взрослому, прогресс,
Говоря по-детски, просто сказка!

С. М. ЛОЙТЕР:

Познакомившись с ответами Михаила Яснова, я решила присоединиться к разговору и поразмышлять над вопросами, которые мне интересны и волнуют. Отвечая на вопрос, правомерно ли понятие «детская поэзия», что есть детская поэзия, чем она отличается от взрослой и каковы ее собственные черты, продолжу новыми соображениями проблемы книги «Поэтика детского стиха в ее отношении к детской литературе»¹.

Детство как «особый социокультурный феномен» (И. С. Кон) имеет свою словесную культуру. Ее составляет язык детей и художественная словесность, которая объединяет детский фольклор и детскую литературу. Первым художественным словом, которое слышит ребенок, оказывается слово колыбельной или маминой песни. Ее сменяют другие колдовские стихи лирики материнства: «Потягунюшки – порастунюшки», «Ладушки-ладушки», «Сорока-ворона...» – бесмертные шедевры, эти «праобразы искусства». Они застают ребенка на самой ранней поре и без них нет нормального, здорового младенчества. О «третьем годе», когда ребенок «начинает жить стихом» (Б. Пастернак), когда ему является слово, он сам начинает им овладевать, запоминая и исполняя бесконечное множество считалок, дразнилок, разных песенок, загадок и сказок. Детский фольклор – первая составляющая словесной художественной культуры детства и одна из основ, на которой вырастает вторая составляющая – детская литература и детская поэзия прежде

всего. Когда мы говорим «детская поэзия», мы связываем это понятие с малышом, дошкольным и младшим школьным возрастом. И эта поэзия, по словам А. Т. Твардовского, – «труднейший и сложнейший вид искусства, взыскавшийся экзамен для поэзии вообще»².

Размышляя о том, что есть детская поэзия, и памятуя об известных «Заповедях для детских поэтов» К. И. Чуковского, остановлюсь на том, что является объектом изображения детской поэзии, каковы ее экзистенциальные темы. Ключевые, ценностные, аксиологические темы «взрослой» лирики –

«это темы жизни и смерти, смысла жизни, любви, вечности, быстротекущего времени, природы и города, труда, творчества, судьбы и позиции поэта, искусства, культуры, исторического прошлого, общения с Богом, дружбы и одиночества, мечты и разочарования».

Частично эти темы отражает вышедший в Новосибирске Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы³. Внимательное знакомство с ним убеждает, что детская литература, а тем более стихи для детей, за редким исключением (в основном это стихотворения, связанные с мотивами «Рождественское чудо», «елка»), этот словарь не отражает. Исследование особенностей изображения предметного мира в лирике для детей убеждает в ее принципиальном отличии от лирики взрослых. Лексемы поэтического мира детской лирики – конкретные предметы и вещи, преимущественно субстантивы. Они поэтизируются, освобождаясь от злободневности и обыденности, статичности и косности, вовлекаясь в мир стремительных движений и действий (именно поэтому глаголы занимают в них такое важное место), – своеобразный космос, в центре которого ребенок. По словам Л. С. Выготского, для ребенка, живущего в мире предметов и вещей,

«как в силовом поле, постигающего его конкретно и предметно, не бывает равнодушного к ним отношения. <...> Каждая вещь окружающего мира “заряжена”»⁴.

Они, предметы, всегда динамичны, событийны. Детская поэзия, как правило, не признает ничего абстрактного, отвлеченного, она не пользуется метафорой. Это объясняется «неприятием детьми многозначности слова»⁵ и его буквальным пониманием. Для детей не существует переносного значения слова. Бытовые, привычные, обыденные предметы и вещи, определяя особый «персонажный» характер детских стихов, не бывают, подобно «взрослой» лирике, «статическими». Предметный характер детских стихов отражают и их заглавия. В большинстве случаев в заглавии стихотворения выносятся номинация предмета, который оказывается его темой или мотивом (у Берестова – «Гололедица», «Снегопад», «Котенок», «Бычок», «Заяц-барабанщик», «Воробушки», «Петушки», «Больная кукла», «Мяч», «Коза», «Бабушка Катя», «Доктор Лебе-

дев»; у Б. Заходера – «Бочонок собачонок», «Мой лев», «Ежик», «Обезьянки», «Слон», «Филин» и т. д.). Назывная простота вещей сопряжена для ребенка с созданием зрительного ряда, образов восприятия. В стихотворении И. Токмаковой «Десять птичек – стайка» изобразительность усиливается указательным местоимением «это»:

Эта птичка – соловей,
Эта птичка – воробей,
Эта птичка – совушка,
Сонная головушка.
Эта птичка – свистель,
Эта птичка – коростель,
Эта птичка – скворушка,
Серенькое перышко.
Эта зяблик,
Эта – стриж,
Эта развеселый чиж.
Ну, а эта – злой орлан,
Птички, птички – по домам.

Художественная нагрузка указательного местоимения «это» в детской и «взрослой» поэзии тоже разная. «Культивирование указательных местоимений» (И. Анненский) характерно для русской лирики Фета, Блока, Ахматовой, Пастернака, где они выполняют две функции – «указание на действительность и указание на речь», вызывая представление либо о пространстве, либо о каких-то движениях внутренней жизни. У Фета: «Это утро, радость эта, / Эта мощь и дня и света, / Этот синий свод, / Этот крик и вереницы, / Эти стаи, эти птицы...».

В детской поэзии указание на название предметов, создающих последовательный ряд образов восприятия, соединяется с задачей убедить ребенка в том, «что эти предметы существуют». Такая индуктивная конкретность, самодостаточность, суверенизация отдельного и частного обуславливает особенности изобразительности лирики для детей, которые я определяю, пользуясь термином Л. Я. Гинзбург, как «поэтическая индукция»⁶, которая в отличие от «взрослой» поэзии не предполагает поэтической дедукции. И это лишь одна ипостась существования предмета в лирике для детей.

Остановлюсь еще на одной особенности детского стиха, связанной с художественной функцией грамматической категории – местоимением «Я». Не случайно местоименная поэтика стала предметом целого ряда исследований Р. О. Якобсона, Г. О. Винокура, И. И. Ковтуновой, Б. О. Кормана. Их исследования основаны на «взрослой» лирике и не касаются детского стиха. Между тем частотность употребления личного местоимения «я» в детской поэзии несоизмеримо выше в сравнении со «взрослой» лирикой. И это отнюдь не внешнее обстоятельство. Открытие «Я», развитие в ребенке «чувства Я» И. С. Кон назвал одной из ключевых проблем детства⁷. Она обрела свое развитие в целом ряде исследований «Я-концепции» Э. Эриксона⁸ и Р. Бернса⁹.

Осознанию своей индивидуальности («Я сам! «Я лучше всех!», «Я сильнее всех!»), своей идентичности, собственной ценности, своей самости служит употребление ребенком местоимений «мне», «меня», «ты»... Такое словоупотребление выдающиеся психологи Л. С. Выготский и Ж. Пиаже¹⁰ назвали «эгоцентрической речью», выражаемой повторениями (эхолалиями) или монологами. Художественная функция «эгоцентрического слова» «я» в поэзии состоит в том, что оно является носителем и транслятором детского сознания, чувств ребенка, его мыслей, его модели мира и своего места в нем, иначе, перефразируя слова Л. Я. Гинзбург, «раскрытой точки зрения» детства. Раскрытая точка зрения детства – отращивание «совокупности всех представлений индивида о себе, сопряженная с их оценкой»¹¹, его говорящее лицо. И это не зависит от того, кто его выражает, кто является субъектом речи: автор, «перевплощающийся в героя и говорящий за него», маленький герой или даже предмет, как, например, в «Мойдодыре» К. Чуковского – «Я – великий умывальник».

Раскрытая точка зрения детства и в тех стихах, когда субъект речи – автор не обозначен местоимением «я», но выражает детское восприятие всего сущего, детскую логику, детский строй речи, детское удивление и восторг.

Сосны до неба хотят дорасти,
Небо ветвями хотят подмести,
Чтобы в течение года
Ясной стояла погода. (И. Токмакова. Сосны)

Другой распространенный вид «раскрытой точки зрения» в стихах для детей связан с рассказом от первого лица, когда лирическое «я» субъекта речи ребенка тождественно лирическому «я» автора. Это возможно, когда автор обладает даром перевоплощения, способностью вжиться и раствориться в детском романтизме и детском мифотворчестве, оправдании всех сближений и связей, выражающих одно сознание – детское.

У меня уже готов
Для тебя букет котов,
Очень свежие коты!
Они не вянут, как цветы.

<...>

А у меня – букет котов
Изумительной красоты,
И, в отличие от цветов,
Он мяукает в усы.

<...>

Я несу букет котов,
Дай скорее вазу.
Очень свежие коты –
Это видно сразу. (Ю. Мориц. Букет котов)

Яркий пример отражения «я» в стихотворении-песенке Михаила Яснова «Я» с подзаголовком «Про себя самого»¹²:

Я у мамы!
Я у мамы!

У моей! У этой самой!
Я! Не кто-нибудь другой!
Я! Вот этот! Сам собой!

<...>

Я! Из всех моих друзей!
Я у мамочки моей!
Я родился!
Есть!
И буду!
Вот
какое
в мире
чудо!

Самые фантастические желания и предпочтения в мечтах «я» остаются в границах детского мироощущения и видения жизни:

Когда я стану папою
И будет дел по горло,
Тогда отдам я сыну

Все винтики и свёрла.
Когда я стану голубем
И буду прыгать всюду, –
Я дам себя потрогать
И улетать не буду!

(М. Яснов. «Когда я стану школьником»)

Так, поэтическая функция «я», являясь раскрытой точкой зрения детства, служит самоутверждению и убежденности «в праве быть первым лицом». Такая местоименная поэтика – одна из особенностей детского стиха.

Эти и другие основополагающие принципы поэтики: олицетворение, словотворчество, игра словом и звукообразы, диалогичность и вопросоответная форма, детерминированные детством, его психологией, его речью, его экзистенциальным, игровым по преимуществу опытом, делают детскую поэзию лирикой особого свойства, лирикой детства, художественным миром детской неповторимости. Детскую поэзию как особый вид лирики блестяще и убедительно идентифицирует И. Роднянская:

«Кто недостаточно пластичен или по натуре своей слишком далек от возможных в детской поэзии “амплуа”, тот не сможет стать поэтом для детей, даже будучи незаурядно одаренным в общепоэтическом плане»¹³.

Подчеркну, что одни и те же приемы поэтики репрезентируют и во «взрослой» лирике, но в детском стихе они существуют в своем концентрированном, «сгущенном» виде. Не обилие тропов, а особый спектр поэтических приемов, степень их концентрации, то, как они пронизывают все уровни текста по вертикали и горизонтали, являются характерологической и психологической особенностью детской поэзии, отличающей ее от «взрослой». Вот как об этом размышлял Б. Заходер:

«...писать для детей благодатно. Сам остаешься как бы дитятею. А, как известно, сказано: “...если не обратитесь и не будете, как дети, не войдете в Царствие Небесное”»¹⁴.

Русская детская поэзия как лирика особого свойства, как специфическая область искусства и поэзии, понятие «детский писатель» принадлежат веку XX (до этого существовали книги для детей, но их создание для их авторов носило разовый, эпизодический характер). Именно с этого времени профессиональная детская поэзия обрела свой голос, свой репертуар, свои ключевые экзистенциальные темы, свою предметную изобразительность, свою графику и ритмику, свой «формальный образ стиха», свой язык, которым говорят уже много поколений детских поэтов.

Убедительную картину существования такой поэзии, целостную картину ее истории представляет трехтомный труд одного из ведущих ученых, посвятивших свою жизнь изучению детской литературы и объединивших в одном лице исследователя, критика, текстолога, комментатора, публикатора и просветителя (недавно почившей в 95 лет), Евгении Оскаровны Путиловой «Четыре века русской поэзии детям»¹⁵. Это издание заставляет вспомнить слова Д. С. Лихачева о том, что «в филологической науке наиболее долговечны факты. <...> Издание памятников, текстологическая работа, выясняющая историю текста тех или иных произведений, это бесспорно необходимая на столетия работа»¹⁶. В течение полувека неустанно, целеустремленно и последовательно Е. О. Путилова воссоздавала историю детской поэзии, отбирая тексты в сотнях старых и новых журналов, многочисленных публикациях разного рода, архивных источниках, даже контактах личного свойства, комментируя их. Ее итоговый уникальный труд, ставший памятником, содержит 2055 текстов 214 авторов. Это стихотворный золотой фонд, в котором наряду с известными поэтами (К. Чуковский, С. Маршак, Е. Тараховская, Е. Благинина, А. Барто, обзриуты) много менее известных (Р. Волженин, Л. Зилов, И. Бельшев, О. Кузнецова и др.); впервые собраны поэты, репрессированные и погибшие в лагерных застенках (Б. Лившиц, Б. Корнилов, С. Третьяков, С. Ауслендар, П. Орешин, В. Князев). Совершенно особый третий том антологии (Б. Заходер, В. Берестов, Я. Аким, Г. Сапгир, А. Шибяев, Ю. Кушак, А. Усачев, И. Токмакова, Тим Собакин, Э. Мошковская, М. Бородинская и др.) – 60 послевоенных лет, «живой процесс развития литературы». Впервые детская поэзия представлена в издании академического типа.

Своеобразным продолжением и дополнением труда Путиловой можно считать книгу М. Яснова «Путешествие в чудетство: Книга о детях, детской поэзии и детских поэтах»¹⁷, хотя содержание и жанрово они существенно отличаются. Автор нескольких десятков стихотворных книжек, талантливый переводчик, литературный критик, просветитель, как уже упоминалось, составитель сборника «Лучшие стихи для

детей» М. Яснов не просто читает, но изучает книги своих собратьев по перу и пишет о них, пропагандирует их творчество. «Путешествие в чудетство» – это новый уровень анализа стихотворений, когда определяется своеобразие, индивидуальное лицо каждого автора (Н. Заболоцкого, В. Берестова, А. Усачева, А. Кушнера, А. Шибяева, О. Григорьева, В. Левина и др.). Эти имена – из антологии, которая завершается 2000-м годом и которые комментирует Яснов. Но за те годы, что последовали после завершения работы над третьим томом Путиловой в детской поэзии, появились новые имена (Игорь Шевчук, Олег Бундур из Кандалакши, Галина Дядина из Арзамаса и др.). И М. Яснов, который неукоснительно следит за литературным процессом в детской поэзии, представил в «Путешествии в чудетство» небольшими очерками целый ряд новых книг и их авторов, назвав их поэтическими событиями последнего десятилетия и заключив, что «новый век начался с маленькой победы большой детской поэзии». Все сказанное выше и есть ответ на вопрос, правомерно ли понятие «детская поэзия» и существует ли она сегодня. Совершенно очевидно, что существует богатейшая детская поэзия, которая в лучших своих проявлениях всегда современна и которая готовит ребенка к восприятию взрослой поэзии.

На вопрос, какие стихи современны для сегодняшних детей, прекрасно ответил Михаил Яснов. Я полностью с ним согласна и ничего нового не скажу. Повторю: детской поэзии противопоставлена сиюминутность, злободневность, ее художественный мир – опозитизированное, преобразованное фантазией и вымыслом окружающее ребенка пространство как непреходящая ценность. Главный критерий – уровень. Современны все высокохудожественные стихи для детей.

До недавнего времени Россию называли литературоцентричной страной. И эта литературоцентричность начинается в раннем детстве лирикой материнства и продолжающим ее художественным словом, которое ребенок постигает с помощью взрослых. Воздействие стихотворного слова бывает настолько сильным, что ребенок способен слушать и повторять одни и те же стихи бесконечное количество раз. Знала мальчика, который каждый вечер требовал перед сном читать ему одну и ту же книгу – обработку фольклористом Н. П. Колпаковой народной песни «Гусли-самогуды». Сергей Юрский вспоминал, что, однажды услышав в чтении отца стихотворение А. С. Пушкина «Признание», просил читать его бесчисленное количество раз, не понимая содержания. Завораживала музыка стиха. А в многократном повторении сказывалась магия слова, генетическое чувство ритма. Таково чудо детского восприятия. Останется ли ребенок, взрослея, приверженцем чтения, когда он сам научится

читать, во многом зависит от взрослых. Традиция и культура семейного чтения, отношение к книге и ее место в семье – важнейшие условия непрерывного читательского интереса. А формирование художественного вкуса начинается с того, какого уровня стихи или прозу слышат дети с ранних лет, поэтому звучать для них должны образцы художественного слова.

Хорошая книга должна быть прочитанной и пережитой в детстве, когда ребенок обладает особой силой восприятия и чувствования. Не услышанная самими маленькими или не прочитанная вовремя, она оказывается утраченной на всю жизнь. Для многих поколений довоенных и послевоенных российских подростков такие книги, как «Три толстяка» Ю. Олеси, «Чук и Гек» и «Голубая чашка» А. Гайдара, «Кондуит

и Швамбрания» Л. А. Кассиля, сказки и «Два капитана» В. Каверина, «Денискины рассказы» В. Драгунского, «Дикая собака Динго» Р. Фраермана, «Кладовая солнца» М. Пришвина, трилогия о Незнайке Н. Носова, были событиями жизни, страницами собственной биографии. В последние десятилетия эти книги выпали из культурного поля. Сейчас редкий подросток читал эти книги или слышал о них от своих сверстников или даже педагогов. Те же в свою очередь при осуществляемой ликвидации курсов детской литературы в вузах далеко не всегда смогут стать полноценными воспитателями и руководителями чтения. Именно поэтому упразднение курса детской литературы на филологических факультетах университетов и пединститутов губительно для образования.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лойтер С. М. Поэтика детского стиха в ее отношении к детскому фольклору. Петрозаводск, 2005. С. 71–92, 143–167.
- ² Твардовский А. Т. О поэзии Маршака // Маршак С. Я. Собр. соч.: В 8 т. М., 1970. Т. 5. С. 608.
- ³ Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы. Экспериментальное издание / Отв. ред. Е. К. Ромадоновская. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. Вып. I. 241 с.; Вып. II. 243с.
- ⁴ Выготский Л. С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1984. Т. 4. С. 341, 343.
- ⁵ Дети о языке. СПб., 2001. С. 64.
- ⁶ Гинзбург Л. Я. О лирике. М.; Л., 1964. С. 5.
- ⁷ Кон И. С. Открытие «Я». М., 1978. 367 с.
- ⁸ Эриксон Э. Детство и общество / Перевод и науч. ред. А. А. Алексеева. СПб., 1996.
- ⁹ Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание / Пер. с англ. М. Б. Гнедовского, М. А. Ковальчук; Общ. ред. и вступ. ст. В. Я. Пилиповского. М., 1986. 422 с.
- ¹⁰ Выготский Л. С. Проблема речи и мышление ребенка в учении Ж. Пиаже // Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М., 1994. С. 403–460.
- ¹¹ Гинзбург Л. Я. О лирике... С. 5.
- ¹² Лучшие стихи для детей / Сост. М. Д. Яснов. СПб., 2005. 672 с. В нем 494 стихотворений, из них в 160 повествование от имени «я», в 46 – первый стих начинается местоимением «я».
- ¹³ Роднянская И. Лирика для маленьких. (О детской поэзии В. Берестова) // Детская литература. М., 1965. С. 158.
- ¹⁴ Захoder Б. «Но летит во тьме вселенной весть» // Вопросы литературы. 2001. Май – июнь. С. 164.
- ¹⁵ Путилова Е. О. Четыре века русской поэзии детям: В 3 т. СПб.: Лики России, 2013. Т. 1. 784 с.; Т. 2. 720 с.; Т. 3. 672 с.
- ¹⁶ Лихачев Д. С. Заметки и наблюдения: из записных книжек разных лет. Л.: Сов. писатель, 1989. 606 с.
- ¹⁷ Яснов М. Путешествие в чудество. Книга о детях, детской поэзии и детских поэтах. СПб.: Союз писателей СПб.: Фонд «Дом детской книги», 2014. 360 с.

Поступила в редакцию 04.06.2018